

Русскій имперіализмъ въ прошломъ и настоящемъ.

Когда появятся въ печати эти строки, имя генерала Лимана фонъ-Сандерса, быть можетъ, будетъ уже забыто—а, быть можетъ, оно станетъ историческимъ. Такъ зовутъ, какъ помнитъ читатель, прусскаго генерала, фактически ставшаго главнокомандующимъ турецкой арміей. Его назначеніе вызвало, говорятъ иностранныя газеты, сильное возбужденіе русскаго «общественнаго мнѣнія» (читай «Новое Время»). Самымъ фактомъ назначенія прусскаго генерала турецкимъ папой настоящему общественному мнѣнію Россіи, пожалуй еще не стоило бы интересоваться. Но историку невольно приходитъ на память другой инцидентъ, случившійся въ томъ же Константинополѣ лѣтъ шестьдесятъ тому назадъ. Инцидентъ еще болѣе заслуживаетъ сравненія съ «копеечной свѣчкой», чѣмъ теперешній: ключи вифлеемскаго храма (кто объ немъ теперь помнитъ, да и кто много зналъ о немъ тогда?) изъ кармана монаховъ православныхъ перешли въ карманы монаховъ католическихъ. А черезъ нѣсколько лѣтъ отъ этихъ ключей гремѣла канонада подъ Севастополемъ, трагически сошелъ въ могилу Николай I—и началась эпоха русскихъ «великихъ реформъ шестидесятыхъ годовъ». Отъ копеечной свѣчки Москва сгорѣла... Будетъ ли генералъ Сандерсъ такой же копеечной свѣчкой? Это зависитъ не отъ него, конечно (и не отъ «Новаго Времени») — а отъ того «экономическаго базиса», на которомъ онъ стоитъ, не столько даже въ качествѣ «политической надстройки», сколько въ качествѣ политическаго «флюгера», показывающаго направленіе вѣтра. Во всякомъ случаѣ, сравнить «экономическій базисъ» вифлеемскихъ ключей и прусскаго генерала стоитъ труда—и мы не боимся наскучить читателей «Просвѣщенія» нашей исторической справкой.

У насъ очень распространено мнѣніе о николаевской, «дореформенной», Россіи, какъ о странѣ дворянской, феодальной—гдѣ все и вся опредѣлялось интересами землевладѣльцевъ, которые тогда были и владѣльцами крестьянскихъ «душъ». Представленіе это достаточно нелѣпо само по себѣ, въ особенности для марксиста: вѣдь, непосредственно за николаевской эпохой слѣдовала эпоха «реформъ»,—а какими бы мы ни считали эти реформы, «великими» или нѣтъ, нельзя отрицать ихъ рѣзко выраженнаго буржуазнаго характера. Одной замѣны сословныхъ градацій имущественнымъ цензомъ различныхъ формъ и видовъ (въ земствѣ, въ судѣ и т. д.) достаточно, чтобы на этотъ, по крайней мѣрѣ, счетъ не оставалось никакихъ сомнѣній. Какъ же это на чисто феодальномъ фонѣ появились вдругъ буржуазныя реформы? А если припомнить, что проекты реформы на долго опередили ихъ осуществленіе (планы Сперанскаго, декабристовъ, крестьянской и судебной реформы при Николаѣ I), то для историка-матеріалиста не

останется иного выхода, какъ признать, что существовала какая-то буржуазная среда, питавшая эти планы и проекты. Мы не будемъ касаться политической роли этой дореформенной русской буржуазии во всей широтѣ. Тутъ есть факты, на рѣдкость характерные. Многие ли знаютъ, напримѣръ, что наканунѣ 14 декабря на обѣдахъ виднѣйшихъ петербургскихъ коммерсантовъ «ораторствовали въ самомъ либеральномъ духѣ» (записки Штейнгеля)? Но если бы мы занялись ими, они слишкомъ далеко отвели бы насъ въ сторону отъ нашей прямой задачи. Довольно указать, какое громадное влияние имѣлъ молодой русскій капитализмъ на *внѣшнюю политику* Николая I. Всѣ знаютъ изъ учебниковъ исторію «побѣдъ и одолѣній», которыми началось царствованіе этого государя, — всѣ слыхали о персидскихъ и турецкихъ войскахъ его, о Дибичѣ-Забалканскомъ, Паскевичѣ-Эриванскомъ, объ адрианопольскомъ трактатѣ. Но ни въ одной исторической книжкѣ — не только въ школьной, не найдете вы попытки дать не только экономическое, но просто разумное объясненіе всѣхъ этихъ походовъ и завоеваній. А между тѣмъ это экономическое основаніе давно подмѣтили современники — а въ русскомъ государственномъ совѣтѣ николаевскихъ временъ говорили на этотъ счетъ вполнѣ опредѣленно. Извѣстный англійскій публицистъ тѣхъ дней, Уркуортъ (имя, попадавшееся, конечно, тѣмъ, кто изучалъ біографію Маркса), писалъ, что персидскій рынокъ, послѣ побѣды Россіи надъ Персіей, оказался почти въ монопольномъ обладаніи русскаго капитала: англійскимъ товарамъ приходилось вести съ русскими фабрикатами ожесточенную, и, въ началѣ, далеко не всегда успѣшную борьбу; русская монета, русскіе торговые обычаи господствовали въ сѣверной Персіи безраздѣльно. А не менѣе извѣстный русскій статистикъ того времени, Арсеньевъ, констатируетъ, что цѣлый рядъ шуйскихъ текстильных фабрикъ жилъ персидскимъ рынкомъ. Крупнѣйшая шуйская фирма, Посылиныхъ, до того освоилась въ Закавказьѣ, что въ Тифлисѣ ее считали своей, мѣстной фирмой — повидимому, совершенно забывая о ея шуйскихъ фабрикахъ. Въ нашей литературѣ анекдотической фигурой сталъ купецъ съ персидскимъ орденомъ «Льва и Солнца». И теперь рѣдко кто догадается, что это анекдотъ, какъ латы Донъ-Кихота, напоминаетъ о далекой героической эпохѣ русскаго промышленнаго капитализма; Посылинъ былъ первымъ кавалеромъ этого персидскаго ордена изъ русскихъ коммерсантовъ. Но Персіи николаевскимъ фабрикантамъ было мало. Изъ опубликованной въ позднѣйшее время секретной переписки южно-русскихъ администраторовъ (Одесскаго ген.-губернатора Воронцова, Кавказскаго главноначальствующаго Розена и др.) съ министромъ финансовъ Канкринимъ мы узнаемъ объ обширныхъ планахъ николаевскаго правительства — завладѣть не только персидскимъ, но и турецкимъ рынкомъ, отбить у англичанъ Трапезундъ, главный впускной портъ для англійскихъ товаровъ на южномъ берегу Чернаго моря. Чтобы достигнуть этихъ цѣлей, николаевская дипломатія все больше и больше нажимала на Турцію, и добила ее того, что, въ 1833 г., по такъ называемому хункиарь-искелесскому трактату, русскій императоръ сталъ почти такимъ же хозяиномъ на берегахъ Босфора, какъ на берегахъ Невы. Этого уже англичане не выдержали — и въ воздухѣ запахло войной. Отъ хункиарь-искелесскаго договора Николаю Павловичу черезъ нѣсколько лѣтъ пришлось отказаться — и опасность войны съ Англіей была отодвинута, но отнюдь не устранена навсегда. Въ послѣдніе мѣсяцы своей жизни, лѣтомъ 1854 г., Николѣю I довелось таки увидѣть, изъ оконъ своего петергофскаго

дворца, то, къ чему онъ готовился въ 1835 г.: англійскій флотъ, крейсирующий передъ Кронштадтомъ.

Конфликтъ былъ длителенъ и упоренъ, онъ не могъ разрѣшиться мирно потому, что онъ вовсе не былъ мѣстнымъ, восточнымъ: споръ изъ-за турецко-персидскаго рынка былъ только наиболѣе бьющимъ въ глаза симптомомъ распри—поле этой распри было несравненно шире. Въ началѣ 19-го вѣка Россія не считалась, какъ промышленная страна. Для западной Европы—для той же Англіи, прежде всѣхъ другихъ—это былъ громаднѣйшій складъ сырья: лѣса, сала пеньки—и все большую и большую роль начинала играть на европейскомъ рынкѣ русская пшеница. Въ обменъ на это сырье «щепетильный Лондонъ» снабжалъ русское дворянство и чиновничество всѣми нужными имъ фабрикатами—отъ сукна до почтовой бумаги и туалетныхъ принадлежностей. Крестьяне одѣвались во все свое, домотканное. Фабрики и заводы были, конечно, но они примѣняли, большею частью, подневольный крѣпостной трудъ и жили не столько рынкомъ, сколько казенными заказами. Промышленнаго капитализма, въ собственномъ смыслѣ, не было, какъ не было еще и промышленнаго пролетаріата. Короткій періодъ вынужденнаго русско-французскаго союза и невольнаго разрыва съ Англіей (1807—12 гг.) перевернули картину до неузнаваемости: подъ вліяніемъ навязанной Россіи Наполеономъ «континентальной блокады» (запрещеніе привоза англійскихъ товаровъ на континентъ Европы), быстро, въ теченіе какихъ-нибудь 5—6 лѣтъ, народилась русская *текстильная промышленность*. Еще въ 1809 г. въ Россію ввозилось американскаго хлопка всего $\frac{1}{2}$ милліона фунтовъ: въ 1811 г. было ввезено $9\frac{1}{2}$ милліоновъ. Въ 1808 г. въ Россіи появилась первая механическая прядильня (частная—раньше были только казенные); а передъ французскимъ нашествіемъ, въ 1812 г., ихъ въ одной Москвѣ было 11. Война двѣнадцатаго года положила конецъ континентальной блокадѣ для Россіи, но Англіи ужъ не пришлось вернуть себѣ потеряннаго мѣста на русскомъ рынкѣ. «Национальная»—русская промышленность держалась крѣпко: въ 1812 г. въ Россіи было 2332 фабрики, въ 1828 уже 5244: рабочихъ было въ 1812 г. 120 тысячъ—пятнадцать лѣтъ спустя уже 225 тысячъ, причемъ половина изъ нихъ были вольнонаемные. Это былъ уже настоящій капитализмъ, и очень скоро, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ колебанія, онъ рѣшительно переходитъ въ наступленіе. Въ 1822 г. русская граница была почти закрыта для англійскихъ товаровъ: изданный въ этомъ году тарифъ иные изъ нихъ прямо запретилъ къ привозу, а большинство было обложено высокими, «запретительными», пошлинами. За 6 лѣтъ, съ 1820 по 1826 годъ, ввозъ заграничныхъ матерій въ Россію сократился—бумажныхъ вдвое, а шерстяныхъ вдесятеро: за то соответственно увеличивалось производство русскихъ фабрикъ. И такъ какъ внутренній русскій рынокъ, благодаря крѣпостному праву и поддерживаемымъ послѣднимъ натурально-хозяйственнымъ отношеніемъ, росъ туго, только что народившаяся крупная промышленность начала искать рынковъ заграничныхъ. Персія и Азіатская Турція были вовсе не единственными предметомъ ея вожденій: московскіе и владимирскіе фабриканты добились включенія въ русскую таможенную черту всего Кавказа съ Закавказьемъ, гдѣ раньше торговля была свободна; русскіе развѣдчики появились даже въ Афганистанѣ. Походомъ Перовскаго на Хиву (въ 1839 г.) начато было завоеваніе средней Азіи; наконецъ, и въ Китай была отправлена русская «духовная» миссія, весьма прозрачно прикрывавшая ту же торговую развѣдку, и находились про-

жектеры, уже мечтавшие вытѣснить англичанъ и изъ Китая. Англійская свободная торговля чуть не всюду, на всемъ земномъ шарѣ, наталкивалась на русскій протекціонизмъ. И не только увлекавшіеся журналисты, вроде Уркуорта, но и англійскіе государственные люди начинали съ тревогой смотрѣть на этотъ русскій разливъ. Борьба съ «расширеніемъ Россіи» становится первой задачей англійской буржуазіи и ея политическій вождь Пальмерстонъ, воплощеніемъ антирусской политики. И такъ какъ дорогу русскому капитализму всюду прокладывали русскіе штыки, дѣло и должно было рѣшиться штыками. Подъ Севастополемъ «штыкъ молодецъ» сдалъ: годъ спустя послѣ Парижскаго мира, закончившаго Севастопольскую войну, сдалъ и русскій протекціонизмъ; въ 1857 г. Россія получила новый, «фритредерскій» тарифъ, опять дозволившій привозъ въ Россію заграничныхъ товаровъ съ болѣе или менѣе умеренною таможенною пошлиною.

Какъ видимъ, Россіи первой половины XIX в. былъ знакомъ *империализмъ* въ самомъ подлинномъ его видѣ: высокія таможенные пошлины, дававшія «отечественной» индустріи монополію внутри страны, стремленіе подъ защитой этихъ пошлинъ расширить свою хозяйственную территорію до необъятныхъ размѣровъ, рядъ завоевательныхъ войнъ и «экспедицій», какъ послѣдствіе этого стремленія—все, что мы привыкли соединять со словомъ «империализмъ», было на своемъ мѣстѣ, не исключая и политическаго отраженія этого экономическаго факта. Империализмъ въ современной Европѣ означаетъ тяготѣніе къ сильной центральной власти, могущественной и «блестящей», передъ которой смиренно сгибаютъ выю «чужестранные народы»—но которой за то и внутри страны прощается многое. Сила и блескъ власти были главной цѣлью Николая Павловича: онъ до того внушалъ своимъ подданнымъ, что русскій государь—хозяинъ всей Европы, что нѣтъ державы, которая осмѣлилась бы встать поперекъ дороги Россіи,—что, кажется, подъ конецъ и самъ увѣровалъ въ это. Трагедія, которую закончилось его царствованіе, въ значительной степени была результатомъ этого самообмана. Но если господство Россіи надъ Европой было иллюзіей, то «сила и блескъ власти» внутри страны были совершенно реальнымъ фактомъ. Чужестранные народы, можетъ быть, и не такъ боялись русскаго императора, какъ бы онъ хотѣлъ—за то собственные подданные были безпрекословно послушны,—и въ первомъ ряду купечество. Репутація непоколебимой благонамѣренности этого класса идетъ именно съ той поры—либеральныя увлеченія предшествовавшей эпохи (когда еще не были утрачены всѣ надежды на внутренній рынокъ), разсѣялись безъ слѣда. Чрезвычайно характерно, что въ послѣдующей русской исторіи пробужденіе империалистическихъ вождѣлнй всегда совпадало, по времени, съ политической реакціей. Завоеваніе Средней Азіи приходится какъ разъ на ту эпоху, когда, послѣ польскаго возстанія въ 1863 г., правительство,—а съ нимъ буржуазія круто повернули направо. Реакція 80-хъ годовъ была современницей попытокъ экономическаго завоеванія Болгаріи, любопытнѣйшаго эпизода «расширенія Россіи», который сейчасъ у насъ нѣтъ времени разсматривать подробно. Наконецъ, крупнѣйшій взмахъ империализма дореволюціонной поры, Маньчжурско-Корейская эпопея, очень точно совпалъ съ режимомъ Сипягина и Плеве внутри Россіи. Вполнѣ естественнымъ и закономѣрнымъ является, поэтому, разцвѣтъ новѣйшаго русскаго империализма на фонѣ столыпинской реакціи. И величайшимъ недоразумѣніемъ является требованіе литературныхъ пред-

ставителей русской текстильной промышленности (г. Струве и «Русская Мысль» вообще), чтобы русское правительство въ одно и то же время «создавало великую мощь государства» и было «либеральнымъ». Это значитъ требовать отъ одного и того же растения, чтобы оно цвѣло розами и давало вкусныя груши... Что нибудь одно—и, конечно, довѣрители г. Струве всегда практически предпочтутъ груши розѣ. Первое дѣло—быть сытымъ, а съ разными пріятностями жизни можно и подождать.

Какъ и въ дни Николая I, русскій имперіализмъ, это, главнымъ образомъ, ситцевый имперіализмъ. Въ то время, какъ желѣзодѣлательная промышленность Россіи за первое десятилѣтіе XX в. почти не подвинулась впередъ (количество выплавленного чугуна въ Россіи въ 1900 г.—176 милл. пудовъ, въ 1910—185 милл. пуд.), текстильная достигла небывалаго размаха (количество переработаннаго русскими фабриками хлопка въ 1900 г.—16 милл. пуд., въ 1910 г.—22 милліона п.). Никакого кризиса—за исключеніемъ непродолжительной заминки, вызванной непосредственной войной и революціей—она не знала: всѣ представленія о русскомъ промышленномъ кризисѣ дореволюціоннаго времени созданы наблюденіями надъ «тяжелой индустріей», которая для Россіи, кстати сказать, вовсе не является типичной. Но сходство съ эпохой Николая I не ограничивается «матеріаломъ имперіализма», если можно такъ выразиться: оно идетъ гораздо дальше. Тогда, какъ и теперь, Россія была на другой день неудавшейся попытки измѣнить ея политическій строй. Другими словами, попытки освободить ея производительныя силы (тогда это выразилось бы въ уничтоженіи крѣпостного права, входившемъ въ программу декабристовъ), сжатия тисками устарѣвшаго государственнаго механизма. Но задержка въ развитіи производительныхъ силъ,—и тогда, и теперь,—равносильна задержкѣ въ расширеніи внутренняго рынка: это особенно хорошо чувствуетъ именно текстильная промышленность, главнымъ покупателемъ для которой являются народныя массы. *Производство растетъ быстрѣе, чѣмъ внутренній рынокъ: значитъ, необходимъ рынокъ внѣшній.* Націонализмъ Столыпина логически вытекаетъ изъ его побѣды надъ революціей. А побѣда этой послѣдней надолго бы задержала развитіе имперіализма: реакція не только обусловливается успѣхами послѣдняго, но и сама его обусловливаетъ.

Наибольшее вниманіе публики привлекалъ къ себѣ, до послѣднихъ дней, дальне-восточный театръ русскаго имперіализма. О Монголіи такъ много шумѣли, что мудрено о ней не слышать. Но шумомъ всегда стараются помочь дѣлу именно тогда, когда оно само не идетъ. Въ Маньчжуріи и въ Монголіи очень богатые перспективы,—но въ наличности кажется, ничего еще пока нѣтъ: русская торговля съ Китаемъ, въ общемъ и цѣломъ, попрежнему остается пассивной, по прежнему мы гораздо больше покупаемъ у Китая, чѣмъ продаемъ ему. Совсѣмъ иначе стоитъ дѣло на *ближнемъ Востоке*, старинной аренѣ русскаго имперіализма. Здѣсь шуму меньше, но достигнутые здѣсь результаты, по крайней мѣрѣ въ одномъ пунктѣ, нельзя не назвать огромными. Если бы Уркуортъ всталъ изъ гроба, то ужаснулся бы, увидя, что стало съ Персіей, гдѣ уже въ его время житья не было англичанамъ отъ русскихъ. *Сейчасъ Персидскій рынокъ всецѣло въ русскихъ рукахъ*: по оборотамъ съ Персіей Россія занимаетъ первое, притомъ далеко первое мѣсто среди европейскихъ государствъ. Вотъ каковы были эти обороты въ 1906—7 отчетномъ году:

Страны.	Тысяча фунтовъ стерлинговъ.
Россія	8.292
Англія	3.128
Франція	0.700
Австрія	0.277
Германія	0.182

И еще русскіе купцы кричатъ, что нѣмцы «забиваютъ» ихъ въ Персіи! Англіійскій источникъ, откуда мы беремъ эти данныя, откровенно признаетъ не только абсолютное превосходство Россіи въ дѣлѣ эксплуатаціи персидскаго рынка, но и постоянный ея прогрессъ. «Въ то время, какъ англо-персидская торговля въ 1906—7 гг. оставалась почти въ томъ же положеніи, какъ въ 1897 г.», говоритъ онъ, «торговля съ Россіей поднялась съ $3\frac{1}{2}$ милл. фунтовъ до $8\frac{1}{4}$ или на 137%».

Съ тѣхъ поръ, какъ съ 1906—7 гг. дѣло если и измѣнилось, то никакъ не къ невыгодѣ Россіи, какъ покажетъ слѣдующая маленькая табличка *ввоза* въ Персію:

	1910—11	1911—12
изъ	(Тысячи фунтовъ стерлинговъ).	
Россіи	4.391	5.355
Англіи	3.793	4.414
Германіи	0.279	0.332

Германія и Англія *емлютъ* ввозятъ меньше, чѣмъ одна Россія. Словомъ, *относительно* русскій капитализмъ въ Персіи занимаетъ то же мѣсто, что и въ 30-хъ годахъ XIX столѣтія: относительно, потому что абсолютные обороты, тогдашніе, и теперешніе несравнимы. При Николаѣ I вся русско-персидская торговля оцѣнивалась въ 4 милл. руб.—теперь она подходитъ къ сотнѣ миллионѣвъ. Не даромъ и переработанный русскими фабриками хлопокъ тогда считали миллионами фунтовъ, а теперь миллионами пудовъ.

Восемьдесятъ лѣтъ назадъ изъ Персіи русскій имперіализмъ двинулся въ Турцію, чтобы здѣсь потерпѣть крушеніе. Теперь, послѣ оккупациі Сѣверной Персіи, на очереди стоитъ оккупациа Арменіи, экономически и стратегически командующей восточной половиной малой Азіи; дорога отъ Чернаго моря въ Персію и къ верховьямъ Тигра и Евфрата идетъ черезъ Трапезундъ и Эрзерумъ, города армянскаго нагорья. Въ заграничныхъ газетахъ о приготавлившемся движеніи русскихъ въ Арменію говорятъ совершенно открыто, со словъ русскихъ министровъ, притомъ, какъ извѣстно, они охотнѣе бесѣдуютъ съ французскими журналистами, нежели съ кѣмъ-либо другимъ. Даютъ понять, что въ Арменіи Петербургъ готовъ видѣть компенсацію за инцидентъ съ Лиманомъ ф. Сандерсомъ. Совершенно также, какъ въ 1853 г. Николай I нашелъ компенсацію за виллеескіе ключи въ «дунайскихъ княжествахъ» —теперешней Румыніи. Съ оккупациі русскими Румыніи началась, какъ извѣстно Севастопольская война. Но не будемъ забывать впередъ. Посмотримъ, что представляетъ собою для Россіи Турція уже теперь—съ экономической точки зрѣнія. Вотъ опять небольшая табличка ввоза въ Турцію техъ же трехъ государствъ: Англіи, Германіи и Россіи:

	1905—8 г. (тыс. ф. ст.)	(% къ общей суммѣ ввоза).	1908—9 г. (тыс. ф. ст.)	(% къ общей суммѣ)
Англія.	9.642	(35,05)	8,257	(30)
Германія.	1.163	(4,22)	1.698	(6,16)
Россія.	1.597	(5,8)	2.188	(7,94).

Какъ видимъ, здѣсь на первомъ планѣ еще Англія,—какъ въ теченіе всего XIX в. Но не только ея *доля* въ турецкомъ ввозѣ, а и *абсолютная величина* англійскаго ввоза въ Турцію быстро падаетъ: растутъ зато, и абсолютно, и относительно, русскій и нѣмецкій ввозъ, причемъ первый и абсалютно больше, и растетъ быстрее. Въ послѣдующіе годы быстрота роста русскаго ввоза проявилась еще рѣзче: Россіей было ввезено въ Турцію въ 1909 г. на 26 милл. р. (противъ 21,5 милл. предшествующаго года—русскій и турецкій отчетные года не совпадаютъ) въ 1910 г. на 26,5 милл. р., въ 1911 на 32 милліона. Съ 1905 года русскій ввозъ увеличился вдвое. Правда, въ сравненіи русскаго и нѣмецкаго ввоза необходимо ввести серьезную поправку. приведенныя цифры говорятъ о ввозѣ только изъ самой Германіи непосредственно. Но несомнѣнно, значительная доля германскихъ товаровъ—трудно учесть какая,—идетъ черезъ Австрію: а эта послѣдняя ввезла въ Турцію въ 1910—11 г., на примѣръ, на 6.772 тыс. турецкихъ фунтовъ (тур. фунт.=9/10 англійскаго ф. ст.). Въ совокупности австро-германскій ввозъ,—конечно, далеко превосходитъ русскій. Но мы и не имѣли въ виду возбуждать патріотическое одушевленіе читателя картиной: какъ наши, русскіе одолеваяютъ нѣмца. Для насъ важно, что Россія въ Турціи является однимъ изъ конкурентовъ Германіи по части претензій на англійское наслѣдство—и конкурентомъ, пока, не несчастливимъ. Отсюда, до вопроса о дѣлѣжѣ наслѣдства—одинъ шагъ.

Но, возразить читатель, какъ же относится къ дѣлу, прежде всего, самъ наслѣдодатель? На первый взглядъ кажется яснымъ, что конфликтъ опять, какъ въ 1830—40 гг. долженъ возникнуть между Англіей, съ одной стороны, Россіей и Германіей вмѣстѣ—съ другой. Въдѣ съ рынка-то вытѣсняють англичанъ? Такъ, но эти послѣдніе теперь склонны относиться къ факту гораздо спокойнее, нежели 80 лѣтъ назадъ. Дѣло въ томъ, что *товарный вывозъ* для Англіи давно потерялъ то значеніе, какое онъ имѣлъ когда-то. Его общая масса съ 1875 года увеличилась всего въ полтора раза, тогда какъ Германія увеличила свой вывозъ за тотъ же промежутокъ времени въ 2½ раза, а Соединенныя Штаты втрое. Вывозъ Англіи на континентъ Европы годъ отъ году падаетъ¹⁾, но англичане не имѣютъ основанія терять хладнокровіе по этому случаю: во-первыхъ, растутъ и растутъ гигантски, ихъ собственныя колоніи—онѣ-то и даютъ, главнымъ образомъ, увеличеніе англійскаго вывоза; а во-вторыхъ—и это гораздо важнѣе—*Англія, изъ страны, вывозящей товары, все болѣе превращается въ страну, вывозящую капиталы*. Въ 1910 году за-границей было помѣщено англійскихъ капиталовъ на 3.192 милліона ф. ст. Торговый Балансъ Англіи давно пассивный, т.-е. она больше ввозитъ, чѣмъ вывозитъ, но благодаря % на капиталы, помѣщенные за границей, она все же больше получаетъ изъ-за границы, чѣмъ отдаетъ туда²⁾. Англійскіе предпри-

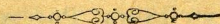
¹⁾ Такъ, на примѣръ, англійскихъ машинъ было ввезено въ Германію въ 1907 г. на 2,365 тыс. фунт. ст.—а въ 1911 только на 1,934 ф. ст.

²⁾ Ввозъ Англіи превышаетъ вывозъ на 178 милл. ф. ст. Въ качествѣ % она получаетъ изъ-за границы 155 милл. ф.+20 комиссіонныхъ и банковыхъ+91 милл. ф. фрахта и страховки.

ниматели, конечно, стонутъ отъ иноземной конкуренціи—въ особенности нѣмецкой. Но англійской политикой руководить не они, а банковая аристократія: и вотъ, Персія отдана, можно сказать, на потокъ и разграбленіе русскому капитализму, да и на счетъ Турціи еще въ 90-хъ годахъ прошлаго вѣка, покойный Салисбери выразился, что Англiи теперь, въ сущности, все равно, если Россія и утвердится на берегахъ Босфора. За то къ этому факту не можетъ отнестись равнодушно Германія: въ противоположность Англiи, ея торговый балансъ строится, главнымъ образомъ, на товарномъ вывозѣ. И Германія имѣетъ свои капиталы за-границей (по различнымъ даннымъ, отъ 26 до 33 миллиардовъ марокъ, т.-е. примѣрно, вдвое меньше чемъ Англiя), но доходы отъ этихъ капиталовъ почти не уравниваютъ ея баланса. Вывоза на 5,8 миллиардовъ марокъ ежегодно, Германія ввозитъ на 7,4 милл. мар. ежегодно—и если бы не «заработки» германскаго флота (300—400 м. мар. ежегодно), она сводила бы свой балансъ не только безъ «чистаго дохода», а съ чистымъ убыткомъ въ сотни миллионѣвъ. Для Германіи, такимъ образомъ, сбытъ товаровъ имѣетъ громадное значеніе; надо видѣть, съ какимъ огорченіемъ одинъ германскій консулъ сообщаетъ, что отъ нѣкогда довольно обширнаго вывоза нѣмецкихъ суконъ въ Персію, благодаря русской конкуренціи осталось—одно имя, звукъ пустой. На Тавризскомъ базарѣ продаютъ лодзинское трико подъ именемъ «мезерицкаго сукна»,—и только это названіе напоминаетъ, что когда-то здѣсь продавали доброе нѣмецкое сукно изъ Мезерица (въ Силезіи). Теперь давно товаръ русскій, только имя нѣмецкое. Перспектива, что и на константинопольскомъ рынкѣ останутся только нѣмецкія названія, не можетъ улыбаться Германскому капитализму. Русскихъ не нужно пускать, по крайней мѣре, въ Турцію, разъ ужъ нечего не подѣлаешь съ ними въ Персіи. И конфликтъ на лицо—конфликтъ не между Англiей съ одной стороны, Германіей и Россіей—съ другой, а именно между Германіей и Россіей.

Но, возразить читатель, неужели сбытъ нѣмецкихъ товаровъ въ Турцію, по абсолютнымъ цифрамъ, какъ мы сейчасъ видѣли все же ничтожный, такъ важенъ, что можетъ опредѣлить собою политику германской имперіи? Конечно, нѣтъ,—но, вѣдь, и передъ Севастополемъ судьба англійскаго капитализма вовсе не зависѣла отъ того, будутъ русскіе вытѣснены изъ М. Азіи или нѣтъ. Англiя боролась съ русскимъ расширеніемъ вообще, а не съ тою или другою отдѣльной его деталію. Поперекъ дороги Англiи стоялъ русскій империализмъ, а воплощеніемъ его былъ русскій протекціонизмъ, таможенная стѣна, отгораживающая Россію отъ капиталистическаго мира. Съ востока казалось только всего удобнѣе продѣлать брешь въ этой стѣнѣ. Стѣна стоитъ и теперь, но Англiи до нее мало дѣла—зато очень много Германіи. Никто больше ея не терпитъ отъ русскаго протекціонизма. Пассивный вообще, торговый балансъ Германіи въ сторону Россіи, въ особенности отличается этимъ свойствомъ. Покупая у русскихъ почти на полтора миллиарда марокъ ежегодно, нѣмцы продаютъ имъ всего на 1 миллиардъ по самымъ оптимистическимъ даннымъ, а пессимисты говорятъ даже о полу-миллиардѣ. Добрыхъ три четверти миллиарда марокъ честный Михель приплачиваетъ Россіи ежегодно изъ своего кармана—и тѣ миллиарды золота, которыми такъ любятъ похвастать русскіе министры финансовъ, миллиарды, предназначенные служить резервомъ на случай борьбы именно съ Германіей, накоплены на нѣмецкій счетъ. Это ли не обида? А между тѣмъ, таможенная стѣна все ширится—и какъ разъ въ самомъ невыгодномъ для германскаго капитализма направленіи. Единственная часть

Россійской имперіи, съ которою до сихъ поръ Германія торговала не безъ выгоды—т.-е. гдѣ ея балансъ былъ не пассивный, но активный—это Финляндія (въ 1910 г. туда ввезено было нѣмецкихъ товаровъ на 74 мил. марокъ, а вывезено оттуда въ Германію только на 26 мил. мар.). И вотъ, Финляндію явно готовятся включить въ русскую таможенную черту¹⁾. Затѣмъ придетъ очередь Арменіи, потомъ, можетъ быть еще какой нибудь страны. А въ 1917 г. кончается срокъ русско-германскаго торговаго договора—и стѣна можетъ еще подняться или напротивъ, опуститься. Будетъ ли этотъ годъ повтореніемъ 1857 г. или 1822 г.? Вынуждена ли будетъ снова Россія вступить на фритредерскую дорогу (и тогда—волей-неволей—дать просторъ развитію производительныхъ силъ внутри страны: за тарифомъ 1857 года послѣдовало 19 февраля), или же Россійскій протекціонизмъ и имперіализмъ побѣдятъ? Какъ видитъ читатель, сходство ситуаций начала XX вѣка и середины XIX-го—поразительное: поставить на мѣсто «Англіи» «Германію»—и статьи Уркуорта будутъ самой животрепещущей современностью. Тогда Англіи пришлось дожидаться, пока у ней найдется союзница, въ лицѣ Франціи, а этой послѣдней понадобятся вифлеемскіе ключи. Судя по инциденту съ Лиманомъ-фонъ-Сандерсомъ, Германія имѣетъ возможность дѣйствовать прямо, и не хочетъ ждать. Развязка конфликта не за горами.

¹⁾ Въ принципъ этотъ вопросъ рѣшенъ былъ русскимъ правительствомъ еще въ 1894 г.

Нижеслѣдующій очеркъ представляетъ собою полный текстъ реферата, въ нѣсколько сокращенномъ видѣ прочитаннаго авторомъ въ парижскомъ клубѣ интернаціоналистовъ въ маѣ мѣсяцѣ 1915 г. Основная идея реферата—что империалистская война является симптомомъ не дальнѣйшаго прогресса капитализма, но его разложенія и упадка—вызвала оживленные и очень продолжительныя пренія. Мысль, повидимому, показалась рискованной и тогдашней партійной прессѣ, что, главнымъ образомъ, и помѣшало реферату появиться въ свѣтъ своевременно. Такъ казалась заманчива идея о неизбежной связи «финансоваго капитала» и социалистической революціи, завершающей конечную стадію капиталистическаго развитія. Тотъ фактъ, что социальная революція началась въ наиболѣе экономически отсталой изъ воюющихъ странъ какъ будто, однако же, свидѣтельствуетъ противъ этой теоріи, сложившейся на почвѣ «мирнаго» экономического развитія послѣдней четверти XIX вѣка, и, безсознательно, разумѣется, подмѣнившей революціонный социализмъ эволюціоннымъ. Буржуазія Западной Европы оказалась предусмотрительна, не положившись на эволюцію, и принявъ противъ революціи немедленно самыя рѣшительныя мѣры...

„Виновники войны“.

Подъ словомъ *империализмъ*, какъ понимаютъ его историки, разумѣется стремленіе государства къ громадному, безграничному расширенію своей территоріи—независимо отъ мотивовъ этого расширенія. Типомъ такого расширенія является Римская имперія начала нашей эры: и уже это одно показываетъ, что съ «современнымъ» капитализмомъ империализмъ не связанъ необходимо—ибо древній міръ дальше торговаго капитализма не пошелъ. И въ новѣйшее время мы имѣемъ цѣлый рядъ случаевъ образованія колоссальныхъ имперій въ эпоху господства торговаго капитала: такими были Испанія въ 16 в., Голландія въ 17-мъ и Англія въ 18-мъ. Россія и Австро-Венгрія въ значительной степени—хотя не всецѣло—относятся къ тому же типу. Съ этой точки зрѣнія всякая завоевательная война является империалистической. Но когда современная намъ социалистическая литература говоритъ объ «империализмѣ», она имѣетъ въ виду нѣчто болѣе специальное. Характеристическіе признаки этого империализма, въ болѣе узкомъ смыслѣ слова, такъ резюмированы Гильфердингомъ, тамъ, гдѣ онъ говоритъ о политикѣ «финансоваго капитала» (дальше онъ самъ употребляетъ выраженіе «эра империализма»): «Политика финансоваго капитала преслѣдуетъ троякаго рода цѣли: во-первыхъ, созданіе возможно обширной хозяйственной территоріи, которая, во-вторыхъ, должна быть ограждена отъ иностранной конкуренціи таможенными стѣнами и такимъ образомъ должна превратиться, въ третьихъ, въ область эксплуатаціи для національныхъ монополистическихъ союзовъ»¹⁾. Образцомъ здѣсь послужили, несомнѣнно, Соединенные Штаты. Изъ двухъ другихъ передовыхъ капиталистическихъ державъ нашего времени, у Англіи не хватаетъ, пока, «таможенныхъ стѣнъ»; Гильфердингъ, правда, увѣренъ, что онѣ скоро появятся и, во всякомъ случаѣ, «вполнѣ возможны»: но историку приходится считаться съ тѣмъ, что уже есть, а не съ тѣмъ, что только возможно. Пока, Англія продолжаетъ при-

¹⁾ «Финансовый капиталъ», пер. И. Степанова, стр. 495—стр. 499.

держиваться той политики, которая по словам Гильфердинга, находится «въ самомъ остромъ противорѣчїи» съ политикой финансоваго капитала. Но разсталась ли съ этой, теоретически устарѣвшей, политикой Германія? Присматриваясь къ даннымъ международной торговли, легко замѣтить, что Германія гораздо больше приходится терпѣть отъ чужихъ таможенныхъ стѣнъ, чѣмъ выигрывать отъ своихъ собственныхъ. «Мы работаемъ для вывоза», говорили представители германскихъ промышленныхъ круговъ французскому публицисту, производившему въ Германіи анкету за два года до войны: «если мы перестанемъ вывозить, мы погибли»¹⁾. И успѣхъ всего дѣла шло съ той стороны, гдѣ до сихъ поръ живы «манчестерскіе предрасудки». Въ 1903 г. Германія ввезла въ Великобританскія владѣнія на 34.533 тыс. ф. ст., а вывезла къ себѣ британскихъ продуктовъ на 23.550 тыс. ф. ст.; а въ 1913 г. первая цифра поднялась до 80.511 тыс. фунтовъ, а вторая только до 40.695 т. ф. Ввозъ Германіи въ Англію увеличился на 105%. Англіи въ Германію только на 73%. Вполнѣ понятно, почему для Германіи разрывъ съ Англіей былъ такимъ тяжелымъ ударомъ, независимо отъ ближайшихъ политическихъ послѣдствій этого разрыва. Противоположную картину даетъ намъ «восточный фронтъ», гдѣ таможенная стѣна, высокая и прочная, существуетъ съ 1891 г. Правда, германскій вывозъ увеличился и съ этой стороны: съ 438 миллионновъ марокъ въ 1907 г. онъ поднялся до 680 въ 1912; но за то Россія ввезла въ Германію въ 1907 г. на 1.107 милл. марокъ, а въ 1912 на 1.527 милл. Германскій «дефицитъ» съ 669 милл. мар. поднялся до 847—почти на 200 мил. мар. золота больше стало утекать черезъ русскую границу изъ нѣмецкаго кошелька. Такъ, по крайней мѣрѣ, считаютъ сами нѣмцы: русская официальная статистика даетъ цифры, прямо противоположныя; для русскаго вывоза въ Германію въ 1912 г., напр., всего 453 мил. р., т.-е. около 1.000 мил. мар., а для германскаго ввоза за тотъ же годъ 519 мил. р., почти 1.200 мил. мар. Но такъ какъ мы говоримъ о *германской* политикѣ, а она опредѣляется, конечно, германскими а не русскими, представленіями о положеніи дѣлъ, то для насъ показательны именно германскія цифры²⁾.

Мы наталкиваемся, такимъ образомъ, на положеніе, весьма мало отвѣчающее требованіямъ «эры имперіализма» — и чрезвычайно напоминающее прямую противоположность этого послѣдняго: Германія начала двадцатаго столѣтія оказывается очень близка, по своимъ интересамъ, къ Англіи первой половины девятнадцатаго. Для Германіи, какъ тогда для Англіи, оказывается нужна не «возможно обширная хозяйственная территория», «огражденная отъ иностранной конкуренціи таможенными стѣнами» — а сокрушеніе всякихъ «таможенныхъ стѣнъ» и «открытыя двери» повсюду. И этому экономическому положенію какъ нельзя лучше отвѣчала германская политика за послѣдніе 40 лѣтъ: цѣлью этой политики было отнюдь не расширеніе территоріи, а *выгод-*

¹⁾ G. Bourdon, «L' Enigme Allemande».

²⁾ Статистическая разнородность объясняется различными приемами таможенной статистики обоихъ государствъ. Русскія таможенные учрежденія считаютъ ввозъ и вывозъ по германской границѣ, или непосредственно изъ русскихъ въ германскіе порты и обратно. Но черезъ герм. границу идутъ не только германскіе товары, а и многіе цѣнные или скоропортящіеся товары не-германскаго происхожденія: колоніальныя товары изъ Гамбурга, французскія вина, южные фрукты и т. д. Въ тоже время, русская пшеница изъ южныхъ портовъ попадаетъ въ Германію черезъ Голландію: выгодноѣ оказывается обвезти хлѣбъ кругомъ всей Европы, чѣмъ провезти его прямо по желѣзной дорогѣ въ Германію! Нѣмцы же опредѣляютъ товары по ихъ *происхожденію*, а не по мѣсту, изъ котораго они привезены.

ные торговые договоры (типомъ ихъ является договоръ съ Россіей 1894 г., возобновленный въ 1904; изъ европейскихъ странъ у Германіи нѣтъ договоровъ только съ Португаліей и Черногоріей). Приписывавшіеся Германіи французскими шовинистами планы территориальныхъ захватовъ, раздѣла Франціи и т. под. настолько рѣзко противорѣчили экономическимъ интересамъ Германіи, что о нихъ никто уже теперь серьезно не говоритъ¹⁾. Наоборотъ, авторы, французскій патриотизмъ которыхъ не подлежатъ ни малѣйшему сомнѣнію, вынуждены признать, что, примѣрно до 1913 г., политика Германіи носила мирный характеръ, — и она не только не стремилась сама къ захватамъ, но и мѣшала дѣлать ихъ своей, гораздо болѣе драчливой, союзницѣ—Австро-Венгріи. Одинъ изъ историковъ теперешней войны, въ своей общей концепціи твердо придерживающейся «ритуальной легенды»—о войнѣ, какъ результатѣ заговора Германіи и Австріи—, напомнивъ о кризисѣ 1908 г. (изъ-за аннексіи Босніи и Герцеговины Австріей, когда послѣдняя готовилась атаковать Сербію, а Россія Австрію), замѣчаетъ, что вмѣшательство Германіи, энергическими представленіями въ Петербургъ помѣшавшей войнѣ, отнюдь не было пріятно австрійскому правительству, и было предпринято безъ его вѣдома²⁾. Инициативу мирной развязки въ 1911 г., во время агадирскаго кризиса (столкновение Франціи съ Германіей изъ-за Марокко), этотъ историкъ также вынужденъ признать за Германіей—и то, что онъ объясняетъ этотъ фактъ не «умѣренностью», а «благоразуміемъ» Вильгельма II и Бетмана-Гольвега, не мѣняетъ дѣла. Но всего поучительнѣе эпизодъ, относящійся уже къ 1913 г.—т.-е. совсѣмъ «вчерашній». Лѣтомъ этого года, когда Болгарія, подстрекаемая Австріей, начала вторую балканскую войну—за Македонію противъ Сербіи и Греціи—и въ дѣло вмѣшалась Румынія (подстрекаемая Россіей), Австрія была совсѣмъ готова оказать царю Фердинанду вооруженную поддержку. Но, къ великому негодованію вѣнскихъ придворно-военныхъ круговъ, изъ Берлина опять дали отбой³⁾. Въ Вѣнѣ не разстались съ любимой мыслью—и августъ того же 1913 г., планъ новой атаки Сербіи былъ готовъ: но теперь искали поддержки и утѣшенія уже не въ Берлинѣ, а въ Римѣ. Оттуда вѣжливо показали дорогу въ тотъ же Берлинъ—и австрійская авантюра лопнула въ третій разъ⁴⁾.

Почему въ четвертый разъ, въ іюль 1914 г., ей дали ходъ и даже поощрили ее? На это намъ отвѣчаетъ одинъ документъ, чрезвычайно высокой цѣнности и по источнику, изъ котораго онъ исходитъ, и по близости къ фактамъ, о которыхъ онъ трактуетъ. Это—напечатанное на стр. 20—21 французской «Желтой книги» донесеніе французскаго посла въ Берлинѣ Камбона, передающее содержаніе разговора бельгійскаго короля съ Вильгельмомъ II и его начальникомъ штаба, Мольтке. Камбонъ зналъ о разговорѣ «изъ источника, абсолютно достовѣрнаго»—проще говоря, отъ самого короля Альберта. Впечатлѣнія, вынесенныя изъ этого разговора королемъ, вполне совпадали съ впечатлѣніями самого Камбона: «враждебность противъ насъ

¹⁾ Доступная теперь интимная переписка Вильгельма и Николая, которая, надо надѣяться, скоро увидитъ свѣтъ, не оставляетъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что, начиная съ 1900-хъ годовъ, у Германіи—официальной, разумеется—былъ только одинъ врагъ: Англія.

²⁾ Aug. Gauvin, «Des origines de la guerre européenne», p. 10.

³⁾ ibid., p. 14 et 37—9.

⁴⁾ См. разоблаченія, сдѣланныя въ декабрѣ прошлаго года Джюляитти, у Gauvin, p. 42—43.

увеличивается, император перестал быть сторонником мира». «Собесѣдникъ императора Германіи, какъ и всѣ, думалъ до сихъ поръ, что Вильгельмъ II, не одинъ разъ способствовавшій, въ критическія минуты, поддержанію мира своимъ личнымъ вліяніемъ, сохраняетъ это настроеніе и теперь. На этотъ разъ онъ напелъ его совершенно измѣнившимся: императоръ, въ его глазахъ, теперь уже не защитникъ мира противъ воинственныхъ поползновеній нѣкоторыхъ партій Германіи: Вильгельмъ II пришелъ къ убѣжденію, что война съ Франціей неизбежна, и должна вспыхнуть не сегодня—завтра». Еще категоричнѣе высказывался въ томъ же духѣ генералъ Мольтке. Что именно вызвало такой рѣзкій поворотъ въ настроеніяхъ и намѣреніяхъ германскаго правительства, изъ депеши прямо не видно. Несомнѣнно, что въ напечатанномъ текстѣ есть какой-то пробѣлъ: тотчасъ же послѣ словъ Мольтке о «непобѣдимомъ энтузіазмѣ» германскаго народа, этотъ текстъ заставляеть короля Альберта говорить, ни къ селу, ни къ городу, о манифестаціяхъ какихъ-то «увлекающихся людей» (*esprits exaltés*) и даже «безсовѣстныхъ интригановъ», затемняющихъ истинныя намѣренія французскаго правительства. Сохранивъ эти комплименты по адресу сотрудниковъ «Patrie» и «Echo de Paris», редакторъ «Желтой книги» не счелъ возможнымъ удержатъ имѣвшуюся, очевидно, въ заявленіяхъ собесѣдниковъ бельгійскаго короля ссылку на только что проведенный тогда французскимъ правительствомъ законъ о трехлѣтней военной службы,—законъ, противъ котораго такъ страстно и такъ тщетно боролся Жоресъ. У послѣдняго народнаго трибуна Франціи было, повидимому, смутное предчувствіе, что, вотируя этотъ законъ, французскій парламентъ вотируетъ вторую франко-прусскую войну. Мирныхъ буржуа можно было увѣрить, что законъ 7 августа 1913 г. (депеша Камбона помѣчена 22 ноября) преслѣдуетъ исключительно цѣли національной обороны—отъ военныхъ людей, какими были Вильгельмъ и его начальники штаба, не могло укрыться его настоящаго значеніе. Для обороны важно было усовершенствовать военную технику—увеличивать въ полтора раза число штыковъ нужно было для нападенія, ибо успѣхъ этого послѣдняго, при современной техники, зависить прежде всего другого отъ численнаго перевѣса. Для военныхъ людей, повторяемъ, на этотъ счетъ не могло быть тѣни сомнѣнія—и съ осени 1913 года «предупредительную» войну можно было считать рѣшенной.

Почему Германія не начала этой войны немедленно—не использовала такого удобнаго для нея момента, какъ конецъ зимы 1913—14 г., когда помолодѣвшая на годъ французская армія (законъ 7 августа, какъ извѣстно не только удлинилъ срокъ службы, но и понизилъ призывной возрастъ до 20 лѣтъ) почти поголовно лежала въ кори и скарлатинѣ? Отвѣтъ на это мы получимъ, по всей вѣроятности, когда будетъ опубликована секретная переписка англійской дипломатіи—а этого ждать придется, пожалуй, долго: секретная англійская переписка по поводу польскаго возстанія 1863 г. увидѣла свѣтъ только въ 1913 г., ровно черезъ пятьдесятъ лѣтъ. Пока можно лишь высказать предположеніе, что замедляющимъ факторомъ были переговоры, которые Англія до самаго августа 1914 г. вела на оба фронта, и съ Германіей, и съ Россіей. Существованіе такихъ переговоровъ, помимо глухихъ намековъ въ печати, достаточно ясно и изъ документовъ англійской «Синей книги». Разговоры, которые велъ Бьюкененъ въ Петербургѣ (№ 4 «Синей книги»), а Гёшенъ въ Берлинѣ (№ 33), понятны лишь, какъ заключительныя звенья длинной цѣпи—съ мѣста въ карьерѣ такихъ

разговоровъ не ведутъ не только дипломаты, но даже и лавочники. Совершенно очевидно, что уже раньше былъ большой «торгъ», употребляя выраженіе Гёшена—и Россія переторговала, кажется, только въ самую послѣднюю минуту. По крайней мѣрѣ—фактъ удивительный, но сомнѣнію не подлежащій—всего за два дня до предъявленія австрійскаго ультиматума Сербіи, Эд. Грей опасался не нападенія Германіи на Россію и Францію, а наоборотъ—двухъ послѣднихъ на Германію. 21 іюля 1914 г. у Грея былъ извѣстный румынскій націоналистъ—любимецъ французской прессы—Таке Іонеску. Онъ прилодилъ говорить по поводу Албаніи—со времени удачнаго опыта съ болгарской Силистріей, румыны стали интересоваться всѣмъ, что плохо лежитъ на Балканскомъ полуостровѣ. Такъ какъ Албаніей въ то же время интересовалась и Италія, что, конечно, румынамъ не нравилось—и что они приписывали англійскимъ интригамъ,—то Іонеску и намекнулъ Грею, довольно грубо, какъ не хорошо подкупать Италію Албаніей, чтобы изъ «Тройственного союза» перевести ее въ «Тройственное согласіе». Грей, рассказываетъ Іонеску «съ величайшей искренностью въ голосъ» сказалъ: «Да я вовсе не стараюсь отдѣлить Италію отъ Германіи и Австріи, и никогда не старался. *Я знаю, что франко-руско-итальянскій союзъ былъ бы настолько силенъ, что равновѣсіе было бы нарушено и могло бы явиться искушеніе воевать. А я хочу мира.*» Какъ доказательство миролюбія Грея, эти слова и обошли всю союзническую прессу,—такъ кажется, и не замѣтившую ихъ пикантности...¹⁾

Едва ли нужно объяснять читателю, что на самомъ дѣлѣ Грей боялся вовсе не нападенія Франціи и Россіи на Германію—а гегемоніи франко-руско-итальянскаго союза на Средиземномъ морѣ, гегемоніи, которая сдѣлаетъ совершенно безнадежными шансы Англій «отторговать» у Россіи Константинополь. Есть всѣ основанія думать, что въ центрѣ переговоровъ съ Россіей стоялъ именно этотъ вопросъ—какъ въ центрѣ переговоровъ съ Германіей стояли вопросы о французскихъ колоніяхъ и о Бельгіи. О послѣднемъ, впрочемъ, почти не приходится и догадываться—изъ напечатанныхъ уже документовъ «Синей Книги» это ясно почти до очевидности. Но и первое съ достаточною ясностью сквозило хотя бы въ тѣхъ крайне осторожныхъ выраженіяхъ, которыя употреблялъ Сазоновъ, говоря о Константинопольскомъ вопросѣ передъ Государственной думой. И не даромъ на эти осторожныя выраженія успѣли сослаться тотъ же Грей передъ палатой общины. Ему нужно было показать своимъ довѣрителямъ, что онъ Константинополя не продешевилъ... Мы увидимъ ниже, что для той общественной группы, которую представляютъ Эд. Грей, Уинстонъ Черчилль и др., Константинополь и колоніи должны были составлять центръ всей картины. Но не будемъ забѣгать впередъ. Подведемъ итоги тому, что намъ пока удалось узнать. Эти итоги сводятся къ тому, что въ политикѣ Германіи, отъ которой нужно было ожидать максимальнаго развитія имперіализма (не забудемъ, что имперіализмъ есть политика, свойственная «послѣдней фазѣ капиталистическаго развитія»), его очень мало замѣтно: Германія отнюдь не стремилась къ максимальному расширенію своей территоріи; она начала войну потому, что думала (правильно или нѣтъ, для насъ въ настоящій моментъ не интересно), что на нее хотятъ напасть. Остается поискать признаковъ имперіализма у «нападающихъ»: и тутъ мы ока-

¹⁾ Іонеску рассказалъ объ этой бесѣдѣ въ «Grande Revue». Мы цитируемъ по «Temps» 16 марта 1915.

жемся передъ фактомъ, не менѣе изумительнымъ. И въ Англіи, и во Франціи, и въ Россіи за войну были не самыя передовыя, съ точки зрѣнія капиталистическаго развитія, группы, а самыя отсталыя.

Относительно Франціи въ русской литературѣ и, особенно, среди русской читающей публики упорно живетъ предрасудокъ, представляющій эту страну безнадежно отсталой, въ промышленномъ отношеніи. Франція—страна-ростовщикъ, скажетъ вамъ всякій; она живетъ плодами чужого труда; ея сбереженія оплодотворяютъ русскую, южно-американскую, даже германскую—какую угодно промышленность, но только не французскую. Послѣ агадирскаго инцидента особенно въ ходу было представлять себѣ *германскую* промышленность, какъ зависящую, чуть не всецѣло, отъ французскихъ капиталовъ—которыхъ насчитывали тамъ чуть не два съ половиной милліарда франковъ! Это очень придавало куражу французской печати, когда она обсуждала шансы возможнаго франко-германскаго столкновѣнія. Прибавимъ, въ скобкахъ, что хорошо освѣдомленные германскіе дѣятели опредѣляли сумму гораздо скромнѣе—не болѣе, чѣмъ въ 300 милл. франковъ¹⁾. Прибавимъ, что не вѣрна не только цифра, а и методъ разсужденія французскихъ газетъ: вложенныя въ иностранныя предпріятія капиталы связываютъ страну, давшую ихъ, а не страну, ихъ получившую. Ниже мы увидимъ чрезвычайно яркій примѣръ этого—на русско-французскихъ отношеніяхъ. Пока не будемъ останавливаться на этомъ. Насколько вѣрно представленіе о Франціи, какъ о своего рода финансовой кукушкѣ, кладущей яйца въ чужія гнѣзда? *Въ общемъ и цѣломъ* это представленіе, пока еще не окончательно устарѣло: за 6 лѣтъ, съ 1906 по 1911 г., Парижская биржа выпускала, въ среднемъ, ежегодно на 4.334 мил. фр. цѣнныхъ бумагъ: въ ихъ числѣ *иностранныя* займы составляли 84%. Но *промышленная отсталость Франціи съ каждымъ годомъ уходитъ въ прошлое*. Показателемъ промышленнаго развитія страны служить ея *металлургія*. Если мы возьмемъ данныя, иллюстрирующія положеніе французской металлургіи, мы получимъ такую картину:

Производство чугуна во Франціи:

Года	1880	1890	1900	1905	1907	1910
Тысячи тоннъ . .	1725	1962	2714	3077	3590	4032

Въ 1890 г. цѣнность всего чугуна, выплавленнаго во Франціи, равнялась только 137,6 милл. фр.—въ 1907 эта цѣнность дошла до 313,2 милл. фр. Еще въ 1900 г. по абсолютной цифрѣ производства Франція стояла ниже Россіи на 200 слишкомъ тыс. т. (2714 тыс. т. и 2934 тыс. т.): а къ 1907 году Франція на 700 слишкомъ тысячъ тоннъ обогнала Россію (3590 тыс. т. и 2811 тыс. т.). Изъ приведенной таблички видно, когда можно было, съ полнымъ правомъ, говорить о застоѣ: то были 80-е и, отчасти, 90-е годы—весна франко-русскаго союза. Переломъ отмѣчаетъ 1896 годъ, когда производство повысилось сразу съ 2004 тыс. т. до 2340 тыс.—и съ тѣхъ поръ повышалось почти непрерывно, тогда какъ за предшествующіе 15 лѣтъ оно держалось на одномъ уровнѣ (1882 годъ—2039 т. т., 1892—2057 и т. д.). Уже почти двадцать лѣтъ, какъ терминъ «промышленно-отсталой» страны почти не приложимъ къ Франціи. Конечно, ей далеко до Англіи или Германіи, тѣмъ болѣе до Соединенныхъ Штатовъ. Но она не стоитъ на мѣстѣ, она прогрессируетъ, и довольно быстро—это главное.

¹⁾ G. Bourdon, «L'Enigme All.» 303—слова Фюрстенберга, директора Berliner Handelsgesellschaft.

Ростъ французской промышленности нашелъ себѣ отраженіе въ цѣломъ рядѣ социальныхъ фактовъ. Во внутренней политикѣ важнѣйшимъ изъ нихъ было увеличеніе интенсивности рабочаго движенія и усиленіе социалистической партіи. Во внѣшней главнѣйшимъ послѣдствіемъ было, несомнѣнно начинавшееся передъ войной, *сближеніе съ Германіей*. «Молодая» французская промышленность не могла обойтись безъ послѣдней. Ей, прежде всего, не хватало *угля* — и ввозъ послѣдняго изъ-за границы росъ прямо пропорціонально выплавкѣ французскаго чугуна. Въ 1907 г. Франція ввезла изъ Германіи угля на 70,1 милл. фр. — въ 1912 уже на 136,5 милл., что составляло 30% всего французскаго ввоза. Затѣмъ, на первыхъ порахъ, индустриальная Франція не могла обойтись и безъ германскихъ *машинъ*: моментъ, когда французское машиностроительство могло бы конкурировать съ германскимъ, еще не наступилъ (а времена, когда французы шли впереди всѣхъ народовъ континента на этомъ полѣ, 40-е—50-е годы, были давно позабыты!) Ввозъ германскихъ машинъ во Францію росъ необычайно интенсивно: съ 53,7 мил. фр. въ 1906 г. онъ поднялся до 74,5 мил. фр. въ 1907 г. — и до 132 мил. фр. въ 1912 г. Рядомъ съ этими экономическими причинами, располагавшими французскую «тяжелую индустрію» къ миру съ Германіей, не нужно забывать и *географической*: 82% всей желѣзной руды Франція получаетъ изъ округовъ Бріа и Лонгви, во французской Лотарингіи, на самой германской границѣ. Въ нынѣшнюю войну эти округа были заняты нѣмцами съ первыхъ же дней — задолго до битвы при Шарлеруа и марша къ Парижу Германія уже начала свои завоеванія! Сейчасъ округъ Бріа прерасходно организованъ нѣмцами (построившими тамъ, между прочимъ, желѣзнодорожный туннель, котораго населеніе 20 лѣтъ тщетно ждало отъ французскаго правительства) и питаетъ германскую металлургію. Вопросъ о его судьбѣ при заключеніи мира, несомнѣнно, будетъ однимъ изъ самыхъ пикантныхъ пунктовъ. Судьбу же его во время войны было нетрудно предвидѣть — и это, повторяемъ, помимо всего прочаго, должно было настраивать миролюбиво французскихъ металлурговъ.

Это миролюбивое настроеніе крупной французской промышленности нашло себѣ выраженіе въ дѣятельности франко-германскаго торговаго комитета, въ поѣздкахъ и анкетахъ въ Германіи французскихъ политическихъ дѣятелей и журналистовъ, и, какъ памятникахъ этихъ поѣздокъ, въ такихъ книжкахъ, какъ «Пути мира», Ажана или «Германская загадка» Жоржа Бурдона ¹⁾. Оба автора вынесли впечатлѣніе, что не только германская буржуазія — притомъ не только промышленная, но и финансовая, — а и германскіе официальные круги также настроены какъ нельзя быть болѣе миролюбиво. Шумной агитаціи пангерманцевъ никто не придавалъ серьезнаго значенія — какъ старались не придавать значенія шовинистическому кликушеству французской желтой и черной прессы. Но послѣдняя все-таки дразнила и беспокоила; Ж. Бурдонъ признается, что ему однажды пришлось покраснѣть, когда его собесѣдникъ показалъ ему только что вышедшую въ Парижѣ брошюру, съ проектомъ, ни болѣе, ни менѣе, какъ раздѣла Германіи. И вообще, ведя мирныя рѣчи, германскіе общественные и промышленные дѣятели не скрывали отъ своихъ гостей, что война, при существованіи такого натравливанія, все же возможна;

¹⁾ *Ajam* «Les chemins de la paix. Le problème économique franco-allemand», Paris 1914. *G. Bourdon* «L'Enigme allemande», Paris 1913.

что общество не может не нести ответственности за свои газеты— разъ дѣло идетъ не о ничтожныхъ листкахъ, которыхъ никто не читаетъ, а о «большой прессѣ», съ миллионнымъ тиражемъ. А въ одномъ случаѣ, прибавляли они, война даже и неизбежна: это, если Россія нападетъ на Австрію; «Австрію мы выдать Россіи не можемъ, и будемъ воевать, чего бы намъ это ни стоило—хотя бы міръ на насъ обрушился», какъ энергично выразился одинъ изъ собесѣдниковъ Ажана.

Въ національной плоскости вопросъ о «виновникахъ» переносится, такимъ образомъ, съ западнаго фронта на восточный. Но мы хотѣли бы остаться въ плоскости социальной. Были ли у русской промышленной буржуазіи какія-нибудь основанія желать войны? Тутъ, прежде всего, приходится вспомнить, что годы, непосредственно предшествующіе войнѣ, были годами чрезвычайно быстрого подъема русской металлургіи. Вотъ данныя по выплавкѣ чугуна за послѣднее пятилѣтіе передъ войной:

Г О Д А .	1909	1910	1911	1912	1913
Милліоны пудовъ	175	186	219	256	293

Какъ видимъ, «нѣмецкое засилье» нисколько не стѣсняло роста русской тяжелой индустріи. Представлять себѣ войну, какъ единственное средство избавленія отъ конкурента, она не имѣла никакого основанія. Оттого ея представители и обнаружили такъ мало «патріотизма», когда война началась—и глава московскаго общества фабрикантовъ и заводчиковъ, металлургъ Гужонъ (французъ по происхожденію) удостоился даже отъ «Русскаго Слова» титула «предателя» за неуклонное отстаиваніе интересовъ германскаго «электрическаго общества 1886 г.»¹⁾

Есть, однако, группа русскихъ промышленниковъ, положеніе которой нѣсколько иное: это группа *текстильная*. Объ ея интересахъ въ связи съ возможной войной говорилось на страницахъ русскихъ марксистскихъ журналовъ²⁾. Не повторяя того, что тамъ было сказано, мы должны лишь прибавить, что тяготѣніе русскаго ситца къ заграничному рынку какъ разъ передъ войной должно было усиливаться. Ибо, въ то время, какъ русская металлургія переживала разцвѣтъ, въ русской текстильной индустріи можно было наблюдать нѣчто въ родѣ застоя:

Г О Д А .	1909	1910	1911	1912	1913
Число веретенъ (тысячи)	8.065	8.308	8.600	8.800	8.950

¹⁾ Это, конечно, противорѣчитъ распространенному у насъ мнѣнію, будто металлургія—чуть не главная виновница войны, будто весь шовинистическій угаръ Европы вышелъ изъ трубъ чугуно-плавильныхъ заводовъ. Объясненіе подкупаетъ своей простотой: металлургія изготовляетъ пушки и броню, на войнѣ стрѣляютъ изъ пушекъ, дѣйствуютъ броненосцы—кому же, какъ не металлургамъ, это можетъ быть выгодно? Не входи въ обсужденіе этого вопроса во всей его широтѣ (напоминать только, что 40 лѣтъ европейскаго мира были, какъ разъ, временемъ пышнаго разцвѣта металлургіи), для Россіи мы должны указать, что военные заказы у насъ въ рукахъ немногихъ привилегированныхъ заводовъ, находящихся въ иностранныхъ рукахъ: «дяди Виккерса», «работающаго», по крайней мѣрѣ отчасти, на романовскіе капиталы, Шнейдера-Крезо и т. под. Простые смертные, въ родѣ Гужона, больше нажили бы на кровельномъ желѣзѣ, чѣмъ на бронѣ—на рельсахъ, чѣмъ на пушкахъ. Имъ, въ данной стадіи развитія, расширеніе внутренняго рынка важнѣ завоеванія десяти вѣнскихъ—и они слишкомъ хорошо помнятъ, какъ обострили желѣзный кризисъ начала вѣка японская война и революція.

²⁾ См. въ 1 № «Просвѣщенія» за 1914 г. «Русскій империализмъ въ прошломъ и настоящемъ». Напечатана непосредственно передъ настоящей статьей.

За пять лѣтъ девятый миллионъ веретенъ такъ и не былъ пройденъ до конца: тогда какъ за предшествующіе 8 лѣтъ, съ 1900 г., число веретенъ увеличилось на полтора миллиона, съ $6\frac{1}{2}$ до 8. И русскимъ мануфактуристамъ, прежде всего, былъ важенъ, конечно, внутренний рынокъ: въ этой, главнымъ образомъ, связи приходится разсматривать временный параличъ винной монополіи. Тѣ, кто приписываютъ его чудодѣйственному вліянію войны, забываютъ, что еще до войны Коковцевъ слетѣлъ со своего мѣста главнымъ образомъ изъ-за того, что его бюджеты держались на водкѣ. Отрезвѣвшая деревня, по общему убѣжденію (особенно цѣнны здѣсь показанія представителей кооперативовъ, опубликованныя «Русскимъ Словомъ»), сдѣлалась гораздо болѣе надежной потребительницей мануфактуры, чѣмъ была пьяная. «Отъ мануфактурщиковъ теперь брызжетъ удовольствіемъ», говорить одно извѣстіе съ родины (въ Нью-Йоркскомъ «Новомъ Мирѣ», 11 марта 1915). «Такія дѣла сейчасъ! Процентовъ 35—40 кладеть чистенькихъ: вотъ какъ мануфактура нынче играетъ». Но, во-первыхъ, и повальное отрезвленіе безъ войны провести было бы трудно; а затѣмъ, экономическое завоеваніе русской мануфактурой сѣверной Персіи естественно соблазняло на дальнѣйшіе шаги въ тѣхъ же направленіяхъ: ежели персъ рядится въ русскіе ситцы, отчего же туркъ не дѣлать того же самаго? Какъ бы то ни было, но центромъ буржуазно-патріотическаго движенія несомнѣнно, является Москва—центръ русской текстильной промышленности въ то же время. Прічемъ исчезновеніе съ русскаго рынка лодзинскихъ товаровъ—при войнѣ съ Германіей, разгромъ Лодзи такъ же не трудно было предвидѣть, какъ и оккупацию нѣмцами Бріа—еще больше поднимается, конечно, патріотическую температуру. Кабы подольше такая благодать! Мудрено ли, что московское купечество подаетъ адреса съ требованіемъ вести войну «до конца»—т.-е. возможно дольше?

Но если этому купечеству удобно грѣть руки на всемірномъ пожарѣ, то обвинять въ поджогѣ московско-владимірскихъ ситцевыхъ фабрикантовъ было бы еще менѣе осторожно, чѣмъ бросать такое обвиненіе «тяжелой индустріи». Соціальный удѣльный вѣсъ этой группы въ Россіи не такъ великъ, чтобы она одна, своею только тяжестью, могла опредѣлять русскую внѣшнюю политику. Въ цитированной статьѣ «Просвѣщенія» было уже указано, какіе *политическіе* мотивы побуждали дворянское правительство идти на встрѣчу мануфактурной буржуазіи. О классовыхъ интересахъ дворянства во внѣшней политикѣ не приходилось упоминать въ этой статьѣ, очевидно, потому, что она была написана по поводу русскихъ выступленій на Ближнемъ и Среднемъ Востока. Тогда казалось, что эти выступленія, скорѣе всего, могутъ оказаться поводомъ для русско-германскаго конфликта. Исторія рѣшила иначе—и она дала больше, чѣмъ ожидали отъ нея историки. Уже чрезвычайные военные законы, экстренно проведенные Сухомлиновымъ весною 1914 г.,—законы, позволявшіе довести *мирные* штаты русской арміи къ 1917 г. до 2.400 тыс. ч.—показывали, что дѣло идетъ не о *возможномъ* столкновеніи съ Германіей по поводу Турціи, а о *неизбѣжной* въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ войнѣ, независимо отъ всякихъ постороннихъ поводовъ. Атака велась прямая, «въ лобъ», что называется—и ея объектъ обрисовался съ неоставляющей никакихъ сомнѣній рельефностью, когда черезъ государственную думу прошелъ *законъ о пошлинахъ на германскую рожь*. На столѣ была опять та ставка, съ которой началась русско-германская игра тридцать лѣтъ назадъ, на другой день послѣ образованія Тройственного союза

и наканунѣ франко-русскаго. А отъ этой ставки съ самаго начала пахло порохомъ.

«Война съ нѣмцами» могла явиться неожиданностью для того поколѣнія, политическіе воспоминавія котораго не идутъ вглубь дальше конца 90-хъ годовъ прошлаго столѣтія. Но наша юность вся прошла подъ знакомъ надвигающейся войны съ Германіей. Кто только ея тогда не предсказывалъ—отъ знахарей и ворожей, вычитывавшихъ «войну трехъ императоровъ» въ книгѣ пророка Даніила (причемъ одинъ изъ этихъ императоровъ долженъ былъ непременно взять Константинополь!), до знаменитаго генерала Скобелева, который не только держалъ воинственные рѣчи въ Парижѣ передъ сербскими студентами, но и, самымъ дѣловымъ образомъ, тренировалъ солдатъ своего корпуса «на нѣмца»—предварительно прекрасно изучивъ германскую армію. И когда онъ внезапно умеръ, въ московской толпѣ ходили слухи, что Скобелева «отравили нѣмцы». Въ дипломатическихъ исторіяхъ той эпохи вы прочтете, что причиной конфликта, тянувшегося до 1894 г., была «измѣна» Бисмарка русскимъ интересамъ на Берлинскомъ конгрессѣ и заключенный имъ въ 1879 г. союзъ съ враждебной Россіи Австріей (зародышъ будущаго «Тройственного союза»: онъ сталъ такъ называться съ присоединеніемъ къ нему Италіи, въ 1882 г.). Но это было лишь поверхностное отраженіе экономическаго спора—*конкуренціи русскаго и прусскаго помѣщиковъ*. Въ концѣ 70-хъ годовъ цѣны на всемірномъ хлѣбномъ рынкѣ стали рѣзко падать: если мы возьмемъ хлѣбныя цѣны пятилѣтія 1871—75 гг. за 100, то цѣны пятилѣтія 1881—85 гг. будутъ 80 (для пшеницы) и 89 (для ржи); а пятилѣтія 1891—95 гг.—70 для пшеницы и 82 для ржи. Потерявъ отъ 20 до 30% своей земельной ренты, прусскій юнкеръ застоналъ—а такъ какъ то была пора глухой реакціи въ Германіи (какъ разъ на то же время падаетъ исключительный законъ противъ социалистовъ), то интересы юнкера сейчасъ же нашли себѣ «огражденіе»: въ 1880 г. были введены ввозныя пошлины на хлѣбъ, сначала въ 10 марокъ съ тонны, въ 1885 г. увеличенныя до 30 и въ 1887 до 50 марокъ съ тонны. Последняя была почти запретительной—и теперь застоналъ уже русскій помѣщикъ. Если уже американская конкуренція по части пшеницы стѣсняла его довольно сильно—благодаря широкому примѣненію машины американская ферма могла получать продукты дешевле, чѣмъ русское имѣніе съ его полукрѣпостными порядками, стѣснявшими примѣненіе машинъ—то пошлины на *рожь* загоняли его совсѣмъ въ тупикъ. Пшеница—хлѣбъ міровой, цѣны на него дѣлаютъ исключительно всемірный рынокъ, и пошлины тутъ имѣютъ второстепенное значеніе. Рожь же Россія вывозила почти только въ Германію: и пошлина въ 30% продажной цѣны настолько «ограждала» прусскаго юнкера, что его русскому сопернику, если онъ хотѣлъ сбыть свой хлѣбъ въ Германію, ничего не оставалось, какъ уплатить, хотя часть пошлины, изъ своего кармана. А цѣны и безъ того все падали и падали... Настроеніе русскаго дворянства при такихъ условіяхъ не трудно понять. Когда генералъ Скобелевъ воцѣлалъ, что онъ не согласится, чтобы Россія стала «Липпе-Детмольдомъ», «отдала на поруганіе всю славу историческаго прошлаго» и т. д., онъ правильно выражалъ чувство своихъ односословниковъ. Характерно, что гарантію отъ такой злой участи онъ—уже тогда—видѣлъ въ союзѣ съ Англіей. Стремленіе Германіи въ свою очередь найти союзниковъ въ Австріи и Италіи было естественнымъ въ ея положеніи отвѣтомъ на такія чувства русскаго помѣщика. Но то, что вызвало бурю—хлѣбныя цѣны—въ концѣ концовъ ее и утишило:

цѣны дошли до такого уровня, что аграрный капитализмъ въ Россіи сталъ почти невозможенъ—капиталъ, при существующемъ въ Россіи уровнѣ прибыли, не шелъ въ сельское хозяйство. Помѣщику ничего не оставалось, какъ просто потребовать казеннаго пайка—что и осуществилъ дворянскій банкъ. Съ его основаніемъ шовинистическая шумиха понемногу падаетъ, и дѣло кончается, въ 1894 г., русско-германскимъ торговымъ договоромъ, по которому хлѣбныя пошлины были, однако, все-таки понижены (съ 50 до 35 мар. за тонну).

Экономической комбинаціей, на почвѣ которой разыгрался первый русско-германскій конфликтъ, было, такимъ образомъ, совпаденіе упадка хлѣбныхъ цѣнъ съ германской конкуренціей на хлѣбномъ рынкѣ—причемъ внѣшнимъ выраженіемъ этой конкуренціи являлись хлѣбныя пошлины, «ограждавшія» прусскаго производителя отъ его восточнаго соперника. Съ тѣхъ поръ картина хлѣбнаго рынка успѣла рѣзко измѣниться. Если мы примемъ хлѣбныя цѣны пятилѣтія 1893—97 гг. за 100, мы получимъ для пятилѣтія 1898—1904 г. 128, а для восьми-лѣтія 1905—1912 даже 165. По расчету автора, у котораго мы заимствуемъ эти цифры, это означало увеличеніе доходности русскаго сельскаго хозяйства на 400 слишкомъ миллионѣвъ рублей (850 мил. герм. марокъ) въ годъ¹⁾. Капиталистическое сельское хозяйство въ Россіи опять стало возможно, яркой иллюстраціей чего является ростъ *ввоза сельско-хозяйственныхъ машинъ* въ Россію: съ 23 миллионѣвъ руб. въ 1909 г. до 120 мил. р. въ 1912—увеличеніе на 400%! Притомъ, особенно быстро растетъ ввозъ «сложныхъ» машинъ—т.-е. машинъ съ паровымъ, керосиновымъ и т. под. двигателемъ: съ 7,4 мил. р. въ 1907 г. до 14,2 м. р. въ 1910 и 26,6 мил. р. въ 1912. Какъ справедливо указываетъ цитируемый авторъ, это свидѣтельствуешь о прогрессѣ именно *крупнаго*, капиталистическаго землевладѣнія, такъ какъ крестьянскія хозяйства, даже зажиточныя, все чаще и чаще примѣняя машины вообще, и окончательно забросивъ дѣдовскую соху для плуга, все же не въ состояніи пріобрѣтать паровыхъ плуговъ и молотилокъ. Отъ подъема хлѣбныхъ цѣнъ выигралъ, въ извѣстной мѣрѣ, и хозяйственный мужичокъ—но гораздо больше выигралъ помѣщикъ. Соціальное преобладаніе дворянства въ эпоху столыпинщины точно соотвѣтствовало укрѣпленію его экономической позиціи.

Но позиціи «юнкера» стали сильнѣе одинаково по обѣ стороны Вержболова—и если русскій юнкеръ получилъ возможность вновь начать борьбу на всемірномъ хлѣбномъ рынкѣ, прусскій, по прежнему забронированный своими пошлинами, получилъ возможность повести борьбу наступательную. Ввозъ русской ржи въ Германію продолжалъ падать: съ 828 тыс. тоннъ въ 1900—1904 гг. до 555 т. т. въ 1905—8, и до 268 т. т. въ 1912 г. За то, въ этомъ году въ Россію было *ввезено* 114 т. т. прусской ржи—фактъ безпримѣрный въ 19-мъ столѣтіи. Это уже само по себѣ было не легко перенести, даже на фонѣ «крѣпкихъ» хлѣбныхъ цѣнъ: можно себѣ представить, что произошло въ душѣ русскаго помѣщика, когда *цѣны снова стали падать*. Пшеница, стоявшая въ трехлѣтіе 1907—9 гг., въ среднемъ на 118 коп. за пудъ, понизилась въ трехлѣтіе 1911—13 гг. до 110; рожь съ 99 коп. въ первомъ случаѣ упала до 85 во второмъ. *Ситуація начала 1880-хъ годовъ повторилась буквально*. Не хватало только генерала Скобелева—его мѣсто долженъ былъ занять пшестскій человекъ, хотя и съ созвучной фамиліей, про-

¹⁾ Jury Larin «Die Entwicklung d. russischen Landwirtschaft» «Neue Zeit», XII, 914.